

СЕТЬ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ ПРОБЛЕМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ К ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОХЛОСА

Фельдман Д.М.

Мировая политика, выйдя за пределы отдельных ойкумен и регионов, где она «вызревала» на протяжении предшествующих веков, сегодня охватывает всю сферу международно-политического взаимодействия глобализирующегося социума. Политическая наука концептуализировала этот факт в теоретическом осознании сетевой природы мировой политики как одного из объектов своего изучения¹. Это почти совпало по времени с широким распространением сетевого подхода как метода исследования политических сетей². Важно подчеркнуть, что если сетевая теория мировой политики и сетевой подход почти ровесники, то сеть мировой политики как объект научного познания старше их на многие столетия.

Взаимодействие множества акторов мировой политики (государств, политических, религиозных и других массовых движений, ТНК, пиратов,

торговцев, а главное (!), отдельных индивидов) вне национально-государственных границ происходит на протяжении тысячелетий. Его политическое значение, как и наличие политических аспектов у неполитических отношений, на мировой арене не вызывает сомнений. Но транснациональное взаимодействие индивидов в рамках криминальных и легальных торговых сделок, личных контактов, внутриконфессиональных трансграничных общностей или массовых идейно-политических движений никогда не было исключительной сферой взаимодействия индивидов, являющихся гражданами в высоком политическом смысле этого слова. Не случайно, что транснациональные связи, по сути, представляющие собой международные сети, рассматриваются сегодня на примере таких образований, как, например, «пиратские сообщества (преимущественно XIV–XVIII вв.), Ганзейский союз, европейские купеческие гильдии, Британская Ост-Индская компания, существовавшие во множестве религиозные организации, религиозно-мистические ордена и группы и многое другое»³.

Сетевое понимание политического взаимодействия акторов мировой по-

¹ В конце 1980-х годов на сетевых параметрах международно-политических отношений современной эпохи акцентировали свое внимание В.О. Keohane and J.S. Nye. *Power and Independence*. New York, 1987. [V kontse 1980-h gg. na setevyih parametroh mezhdunarodno-politicheskikh otnosheniy sovremennoy epohi aksentirovali svoje vnimanie Keohane V.O. and J.S.Nye. *Power and Independence*. New York, 1987].

² См., например: Heclro H. *Issue Networks and the Executive Establishment / The American Political System* / ed. by A. King. Washington, DC:AEI, 1978 ; Knoke D. *Network analysis* / D. Knoke, J.H. Kuklinski. Sage Publications. 1982 ; Knoke D. *Political Networks. The Structural Perspective* / D. Knoke. Cambridge, 1990.

³ Косов Г., Потапов В., Ширяев В. Политические сети: специфика современной архитектуры. М. : ж. «Власть». 2013. С. 65 [Kosov G., Potapov V., Shiryayev V. *Politicheskie seti: spetsifika sovremennoy arhitektoniki*. М. : zh. *Vlast*. 2013. S. 65].

литики не только дань очередной, на этот раз «сетевой», моде. История международных отношений неопровержимо свидетельствует, что многие негосударственные акторы куда менее новы, чем государственные, а их международное взаимодействие, соответствующее их сетевому пониманию, существует тысячелетия. Этому взаимодействию по самой его природе присущ хаотично-мультицентричный характер. Можно с высокой степенью вероятности допустить, что такой характер мировой политики свойственен ей изначально, хотя ее сфера в течение значительного периода истории охватывала лишь отдельные изолированные ойкумены, а не современный глобальный социум. Даже без обращения к иллюстрациям, в виде изменения представлений о сущности политики, государства или человека, ясно, что научное понимание этих объектов исследования обновляется куда чаще, чем их сущностная бытийная природа. В полной мере это относится и к современному пониманию политических сетей, одним из видов которых является мировая политика.

Не стремясь дать обзор, учитывающий и оценивающий различия и оттенки в понимании отдельными авторами политических сетей вообще и сети мировой политики в частности, следует указать на то общее, что является главным в этом понимании, представляя собой инвариант концептуализации любой политической сети. Можно утверждать, что этим общим и главным является неизменно фиксируемый в различных вариантах концептуализации политических сетей неиерархический характер их структуры. Эта констатация, изложенная со множеством

методологических, политических и национальных акцентов⁴, составляет своего рода ядро, а точнее — структурный

⁴ Среди множества публикаций, позволяющих сформулировать этот тезис, отмечу лишь: Börzel T.A. Organizing Babylon — On the different conceptions of policy networks / T.A. Börzel // *Public Administration*. 1998. Vol. 76. No. 2. P. 253–273; Börzel T.A. Networks: Reified Metaphor or Governance Panacea? / T.A. Börzel // *Public Administration*. 2011. Vol. 89. No. 1. P. 49–63. [Sredi mnozhestva publikatsiy, pozvolyayuschih sformulirovat etot tezis, otmechu lish: Börzel T.A. Organizing Babylon — On the different conceptions of policy networks / T.A. Börzel // *Public Administration*. 1998. Vol. 76. No. 2. P. 253–273; Börzel T.A. Networks: Reified Metaphor or Governance Panacea? / T.A. Börzel // *Public Administration*. 2011. Vol. 89. No. 1. P. 49–63.]

Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches, in *Policy Network in British Government*. D. Marsh, R. Rhodes. Oxford, 1992; Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I: *The Rise of the Network Society*. Oxford, UK: Blackwell Publishing, 1996.

Moaz Z. *International Relations: A Network Approach* / Z. Moaz, L.G. Terris, R.D. Kuperman, I. Talmud // Yale University, 2003. 21–23 February; *Community Practice in the network society: local action / global interaction* / ed. by D. Schuler, P. Day. Routledge, 2004.

The network society: from knowledge to policy / ed. by C. Cardoso, M. Castells. Washington, DC, Center for Transatlantic Relations, 2006.

Theories of democratic network governance / ed. by E. Sorenson and J. Torfing. London: Routledge, 2007.

Castells M. Communication, power and counterpower in the network society. M. Castells // *International Journal of Communication*. 2007. № 1. P. 238–66.

Maoz Z. *Networks of Nations: the evolution, structure, and impact of International Networks, 1816–2001* / Maoz Z. New York: Cambridge University Press, 2011.

Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // *Политические исследования*. 2001. № 3. С. 108 [Smorgunov L.V. *Setevoy podhod k politike i upravleniyu* // *Politicheskie issledovaniya*. 2001. № 3. S. 108].

Хардт М., Негри А. *Множество: война и демократия в эпохи империи*. М.: Культурная революция, 2006 [Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epohi imperii*. М.: *Kulturnaya revolyutsiya*, 2006].

инвариант сетевого понимания политики, определяя его сущность и главное онтологическое отличие от любой другой «не сетевой» ее концептуализации. Вариативность сетевых форм политической организации социума, многообразии их типов и природы не колеблют структурно-онтологической основы, бытийного наличия этого инварианта, характеризующего все политические сети. Указывая на функциональный смысл и значение структуры политической сети, М. Кастельс делает вывод: «власть сетевой структуры оказывается сильнее структуры власти»⁵.

Выявление инвариантной основы сетевой методологии позволяет сбли-

зить гносеологический и онтологический подходы в теории политических сетей. Как отмечается в отечественной литературе, различия этих подходов сказались на формировании двух теоретических школ — англосаксонской и немецкой. При этом особенностью англосаксонской школы является гносеологическое понимание политических сетей как абстракции, созданной для проведения различий между вариациями в неформальных политических процессах. В свою очередь, представители немецкой школы понимают политические сети онтологически, как реально существующую форму политического управления и коммуникации между взаимодействующими субъектами, сложившуюся в результате трансформационных процессов, происходивших на уровне глобальной политической арены и сформировавших понимание невозможности концентрации власти в едином центре, а также необходимости изменения самого подхода к реализации политики⁶.

Интересно отметить, что такое сближение вполне укладывается в русло «онтологического поворота», характерного для современного развития научного знания. Как пишет П.П. Гайден-

Сергеев В.М. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» / В.М. Сергеев, А.А. Казанцев, А.С. Кузьмин, В.Д. Нечаев, Е.С. Алексеенкова и др. // *Полис*. 2007. № 2. С. 18–30 [Sergeev V.M. Setevaya dinamika globalizatsii i tipologiya «globalnyih vorot» / V.M. Sergeev, A.A. Kazantsev, A.S. Kuzmin, V.D. Nechaev, E.S. Alekseenkova i dr. // *Polis*. 2007. № 2. С. 18–30].

Громогласова Е. Наднациональный и сетевой принципы в Европейском Союзе // *Международные процессы*. Т. 8. № 2 (23. 2010). С. 74 [Gromoglasova E. Nadnatsionalnyiy i setevoy printsipy v Evropeyskom Soyuze // *Mezhdunarodnyie protsessyi*. Т. 8. № 2 (23. 2010). S. 74].

Wessels W. An Ever Closer Fusion? A Dynamic Macropolitical View on integration Processes // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 35. № 2. 1997. P. 267–299 ; Wessels W. *Teaching Companion — Theories and Strategies of European integration*. Köln: Jean Monnet-Lehrstuhl für politische Wissenschaft und europäische Fragen, Universität zu Köln. March 2006. P. 82.

Саворская Екатерина Владимировна. Автореферат. Влияние политических сетей на процессы надгосударственного управления (глобальный и европейский уровни). М., 2013 [Savorskaya Ekaterina Vladimirovna. Avtoreferat. Vliyanie politicheskikh setey na protsessyi nadgosudarstvennogo upravleniya (globalnyiy i evropeyskiy urovni). М., 2013].

⁵ Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I: *The Rise of the Network Society*. Oxford, UK : Blackwell Publishing. 1996.

⁶ См.: Косов Г., Потапов В., Ширяев В. *Цит. раб.*, а также Курочкин А.В. Теория политических сетей: предпосылки становления и место в современной политической науке // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Грамота. 2011. № 8 (14), ч. III. С. 117–120 [Sm.: Kosov G., Potapov V., Shiryayev V. *Tsit. rab.*, a takzhe Kurochkin A.V. *Teoriya politicheskikh setey: predposylki stanovleniya i mesto v sovremennoy politicheskoy nauke* // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosyi teorii i praktiki*. Gramota. 2011. № 8 (14), ch. III. S. 117–120].

ко, «преодолеть субъективизм, ставший в новое время руководящим принципом при исследовании научного знания и постепенно превративший гносеологию в основную философскую науку, можно лишь путем обращения к рассмотрению *бытия* как центрального понятия философии и — соответственно — к онтологическим, бытийным основаниям всякого знания, в том числе и знания научного»⁷.

Двигаясь по колее, проложенной зарубежными предшественниками, некоторые отечественные политологи не заметили этого поворота. Повторяя чужие суждения, они посвятили свои усилия исследованию никогда не существовавших в реальности фикций. Среди них: «асимметричные конфликты», «новые акторы мировой политики», «конфликты нового поколения». Появление целого ряда трудов, посвященных исследованию всего этого, и даже учебников, эти труды пересказывающих и обобщающих, не отменяет того, что ни одного симметричного конфликта со времен Каина и Авеля как не было, так и нет. До сих пор нет и нового (или хотя бы молодого и свежего, в возрасте менее 2–3 веков) актора мировой политики. Что же касается политических «конфликтов нового поколения», в которых якобы лишь недавно стали сочетаться внутривнутриполитические и внешнеполитические составляющие, то это поколение конфликтов живет и здравствует, по крайней мере в европейской цивилизации, уже со времен античной Греции и Древнего Рима.

⁷ Гайдено П.П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003. С. 44–45 [Gaydenko P.P. Nauchnaya ratsionalnost i filosofskiy razum. M., 2003. S. 44–45].

Как это не раз случалось в истории человеческого познания, изучение несуществующего оказалось очень полезным для совершенствования техники исследования и обучения самих исследователей, включая подготовку ими квалификационных работ, кандидатских и докторских диссертаций. Однако все это мало помогло решению проблем, стоящих перед политической наукой, стремящейся, изучая современную реальность, заглянуть в будущее. Не случайно сегодня отечественные исследователи, углубленно занимающиеся мировой политикой, в частности проблемой глобального управления, озабочены неопределенностью онтологической идентификации своего предмета исследования: «объект глобального управления мерцает — он и есть, и его нет. С субъектом управления ситуация обстоит даже хуже. Он отсутствует в большей степени, чем объект управления»⁸. Пытаясь, по-видимому, восполнить нехватку (не столько философских, сколько эмпирических, конкретно-политических) оснований для своих суждений об источниках движения мировой политики, некоторые из них указывают на национализм и религиозный фундаментализм как на новых акторов мировой политики⁹ или рассматривают религиозный фундамента-

⁸ Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И. Глобальное управление. М., 2013. С. 14 [Lebedeva M.M., Harkevich M.V., Kasatkin P.I. Globalnoe upravlenie. M., 2013. S. 14].

⁹ Боришполец К.П. За что боремся? «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты». М.: Изд-во МГИМО (У), 2008. С. 190–208 [Borishpolets K.P. Za chto boremsya? «Privatizatsiya» mirovoy politiki: lokalnyie deystviya — globalnyie rezultaty». M.: Izd-vo MGIMO (U), 2008. S. 190–208].

лизм как ее субъект¹⁰. Размышляя в этом контексте об управлении в мировой политике, М.М. Лебедева, М.В. Харкевич и П.И. Касаткин отмечают: «субъект и объект управления неразличимы. Успех управления зависит от того, насколько полно субъекту удалось слиться с объектом, гармонизировать свои ценности с ценностями управляемой им системы. Хорошо описывает данный подход акторно-сетевая теория, в которой субъект и объект неразличимы»¹¹.

Потеря политологами-международниками субъект-объектных отношений из-за «неразличимости» субъекта и объекта в сети мировой политики отчасти напоминает потерю физиками материи, случившуюся на рубеже XIX–XX веков. Действительно, задача выявления онтологических оснований концептуализации мировой политической сети весьма сложна. Но решается она куда проще, чем в физике, хотя бы потому, что уже длительное время наиболее мощным и влиятельным элементом, образующим мировую политическую сеть, является государство, составляющее основу и государственно-центричной («Вестфальской») системы, которая представляет собой относительно обособленную часть мировой политической сети.

¹⁰ Боришполец К.П. Амальгама религиозных ценностей и перспективы межконфессионального сотрудничества // Универсальные ценности в мировой и внешней политике. М.: Изд-во Московского университета, 2012. С. 60–66 [Borishpolets K.P. Amalgama religioznyih tsennostey i perspektivy mezhkonnatsionalnogo sotrudnichestva // Universalnye tsennosti v mirovoy i vneshney politike. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2012. S. 60–66].

¹¹ Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И. Цит. раб. С. 61–62 [Lebedeva M.M., Harkevich M.V., Kasatkin P.I. Tsit. rab. S. 61–62].

Эта система, испытывая влияние меняющихся условий своего существования, обнаруживает выдающиеся способности к адаптации. На протяжении столетий она не только сохраняет свою гомеостатическую стабильность, но и неуклонно обновляется и расширяется.

Не заглядывая в глубь веков, напомним, что еще в 1816 г., т.е. после наполеоновских войн и Венского конгресса, в «Вестфальскую» систему входило всего 23 государства, основные отношения между которыми были либо политические, либо экономические (а связи принимали формы конфликта, союза, дипломатических отношений и торговли). В 1816 г. существовала всего одна международная организация — Центральная комиссия судоходства по Рейну, в состав которой входило всего 6 государств: Франция, Бельгия, Баден, Бавария, Пруссия и Великое Герцогство Гессен. В 1910 г. государств было 46, то есть в два раза больше, чем в 1816, но действовало уже 46 (sic! — Д.Ф.) международных организаций, причем почти каждое государство являлось членом хотя бы одной из этих организаций (только Албания и Марокко не состояли ни в одной международной организации)¹². Ныне, как известно, лишь одна из многих сотен международных организаций — ООН — включает в себя 193 государства.

«Сетевое» понимание мировой политики не противостоит «системному». Ведь «Вестфальская» система в ее «се-

¹² См.: Maoz Z. Networks of Nations: the evolution, structure, and impact of International Networks, 1816–2001 / Maoz Z. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 11 [Sm.: Maoz Z. Networks of Nations: the evolution, structure, and impact of International Networks, 1816–2001 / Maoz Z. New York: Cambridge University Press, 2011. R. 11].

тевом» понимании оказывается только одним, хотя и самым «мощным», из компонентов мировой политической сети. Неиерархический характер структуры сети мировой политики отнюдь не обуславливает ни тождества, ни неизменности структур всех ее компонентов. Так, «Вестфальская» система на всем протяжении своего существования неоднократно изменяла свою структуру.

Негосударственные акторы мировой политики, взаимодействуя на международной арене, выходят за рамки «Вестфальской» системы в куда более широкую, чем межгосударственная, сферу общественных отношений — мировую политическую сеть. Но, как бы многочисленны и влиятельны ни были негосударственные акторы, находясь «внутри» государственно-центричной системы международных отношений, они остаются под влиянием государства. Соответственно, «по факту» здесь действуют как системные, так и «сетевые» целевые ориентиры, ценности и правила политического поведения.

Однако в практике политического бытия, реального поведения на мировой арене — в том числе и в условиях глобализирующегося социума — отчетливо обнаруживается смысловое различие в сущностной основе правил, норм и принципов системы межгосударственных отношений и правил, действующих в сети мировой политики. Это различие проявляется в несоответствии нормативной (не только международно-правовой, но и идейно-ценностной) базы, определяющей реализацию правил участия в межгосударственном взаимодействии (назовем их «правилами системы»), целевым уста-

новкам правил эффективного взаимодействия всех акторов мировой политики (т.е. «правилам сети»).

Правила «сети», включающие в себя, например, исконно общечеловеческое «ты — мне, я — тебе», общеизвестное, хотя и менее популярное, «золотое правило нравственности» или «технологическое»: «не можешь победить — присоединяйся», оказываются куда более неизменными и эффективными, чем правила любой из сменяющих друга систем международных отношений. Это касается как правил, закрепленных в общих принципах международного права: уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела других государств, право народов на самоопределение и т.д., так и правил двусторонних отношений, устанавливаемых во взаимных соглашениях о союзе, торговле, помощи, границах и т.д.¹³ Другими словами, не только действия «чисто сетевых, но и «системных» (государственных) акторов сети в повседневной практике мировой политики определяются прежде всего политической целесообразностью, т.е. целью и смыслом политического бытия в условиях конкретной ситуации, складывающейся во властных отношениях.

Не занимаясь в данном случае выявлением и анализом тех или иных онтологических особенностей взаимодействия в сети мировой политики в целом (таких как интенсивность, хаотичность, плотность и т.п.), отдельных сетевых ак-

¹³ Подробнее об этом см.: Фельдман Д.М. О правилах мировой политики // Вопросы философии. 2012. № 5 [Podrobnее ob etom sm.: Feldman D.M. O pravilah mirovoy politiki // Voprosy filosofii. 2012. № 5].

торов (в частности, малые группы, клики) или формализованным описанием их взаимодействия (например, при помощи теории графов), подчеркнем, что эти особенности, воплощаясь и обнаруживаясь в «правилах сети», глубоко укоренены в социуме Земли. Их теснейшая связь с социентальной основой человеческой истории проявляется в том, что эти особенности и правила присущи любому периоду общественного существования *homo sapiens* и любой сфере общественных отношений.

Излагаемый здесь подход к пониманию мировой политики как сети, живущей по специфическим правилам и имеющей специфические структуры, не позволяет пройти мимо утверждения теоретически (а не ситуативно) мыслящих конструктивистов о том, что фундаментальные структуры мировой политики носят скорее социальный, нежели материальный характер¹⁴. Соглашаясь с этим «в принципе», следует признать и то, что эти структуры формируют не только власть¹⁵, но и интересы, и «правила», и сами способы поведения акторов мировой политики.

Комментируя это утверждение, Т.А. Алексеева совершенно справедливо подчеркивает связь такого понимания структуры мировой политики с концептом «дискурсивная сила». Эта сила (в ее содержание входят знание, идеи, культура, язык, идеология) производит и воспроизводит интерсубъективные

смыслы. Она предопределяет, каким образом структура, идентичность, отношения между акторами мировой политики, как и другие социально-бытийные факты, должны пониматься. Эта сила определяет смыслы, составляющие бытийную содержательную (но не исключительно материальную! — Д.Ф.) основу сети. Как бы ни был далек политолог от принятия любой версии конструктивизма или конспиралогии, ему придется согласиться с тем, что «здесь открывается пространство для манипулирования, навязывания определенной интерпретации и затушевывания других возможных смыслов. Собственно, именно здесь всплывает момент определения «друзей», «соперников» и «врагов»¹⁶. Для политолога, заинтересованного в практическом использовании (и проверке!) своих теоретических суждений, это утверждение имеет очень большое значение. Прежде всего, оно определяется задачами если и не глобального управления мировой политической сетью, то ее регулирования или, что еще ближе к насущным проблемам современности, — манипулирования сетевыми сообществами.

В данном тексте термин «манипулирование» употребляется для обозначения одного из способов целенаправленного воздействия на социальную группу для использования ее ресурсного, политического, духовно-нравственного или любого другого потенциала (включая, например, численность или вооружение) при достижении целей, не отвечающих содержанию объединяющих данную группу собственных интересов или ценностей. При этом такие «чужие»

¹⁴ См.: Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 4–22 [Sm.: Alekseeva T.A. Myslit konstruktivistski: otkryivaya mnogogolosiy mir // Sravnitel'naya politika. 2014. № 1 (14). S. 4–22].

¹⁵ Castells M. Op. cit. P. 202 [Castells M. Op. cit. R. 202].

¹⁶ Алексеева Т.А. Цит. раб. С. 13 [Alekseeva T.A. Tsit. rab. S. 13].

цели, становясь одним из смыслов существования и жизнедеятельности манипулируемой группы, в значительно большей степени соответствуют ценностям, целям и интересами манипуляторов, чем манипулируемых.

Мировая политическая практика дает немало примеров подобного манипулирования. Таким примером являются не только преданные идее независимости радикальные украинские националисты, выступающие за скорейшую интеграцию своей страны в ЕС, но и российские фанаты местного футбольного клуба, устраивающие массовые акции против иностранных мигрантов. Во всех этих и многих схожих случаях действительно может создаться впечатление «неразличимости» субъекта и объекта управления. В условиях конкретной политической ситуации, выявляющей реальную сущность властных отношений, ответ на вопрос о субъекте и объекте управления, так же как и на вопрос об основаниях осуществления или получения власти, помогает получить знание принципов и правил функционирования не столько иерархически устроенного гражданского общества, сколько практики поведения толпы, ведомой логикой сети.

Ее социокультурной основой являются обыденные «житейские» ценности, а зачастую и утвердившиеся в данной группе «понятия» и «подкоркой чувствуемая», т.е. не отрефлексированная, целесообразность. Лидеры и вожаки толпы получают свою власть не из-за возможного, но не обязательно, наличия у них легитимизированного статуса, а в силу приверженности ценностям и интересам данного сетевого сообщества, по сути, представляюще-

го собой толпу одиночувствующих. Вопреки известной поговорке, здесь хвост, если и не виляет собакой, то, будучи ущемленным, может сильно влиять на ее поведение и уж во всяком случае — на ее гавканье.

Переходя от метафор к рассмотрению сетевой природы толпы, следует отметить, что толпа по сути представляет собой одну из форм явления, которое исследователи сетей называют «маленький мир». Феномен «маленького мира» вызван появлением сети с высоким уровнем взаимодействия, охватывающей, независимо от наличия посредников, весьма ограниченное количество людей, более строго — элементов. При анализе социальных сетей обычно выделяют два вида сетей: по отношению и по принадлежности. «Сети по отношению (однорежимные сети) характеризуются наличием, направлением и масштабом взаимодействий между элементами. К таким сетям относятся соседские, дружеские или торговые сети. Сети по отношению могут быть симметричными или асимметричными. Сети по принадлежности (их называют еще двухрежимными сетями) — это такие сети, взаимодействие в которых определяется принадлежностью элемента, его участием в событии, организации или группе. Примером таких сетей является членство в профессиональной ассоциации или социальных клубах, ветеранских организациях или сообществах по интересам»¹⁷.

В экстремальных условиях политического кризиса или острого конфликта грань между сетевым сообществом граждан и толпой становится все более проницаемой и рушится. Говоря язы-

¹⁷ Maoz Z. Op. cit. С. 7.

ком Аристотеля, одного из самых первых политологов, описавших этот феномен, демос смешивается с метеками, перизками и даже илотами, а политика и демократия уступают охлократии. Власть, действующая по закону, подменяется властью законов толпы, охлоса, склонного действовать под влиянием эмоций и настроений, легко внушаемых как бы самоорганизовавшимся кооперативным (часто — криминальным) менеджментом. Его формирование, так же как дифференциация толпы (сети) на «актив» и «болото» или по каким-либо другим отдельным качествам составляющих ее людей (элементов), сами по себе еще не означают ее иерархизации. Толпа в соответствии с встающими перед ней управленческими, пропагандистскими, снабженческими задачами, решаемыми по «правилам сети», не институализирует и не соподчиняет структуры, выполняющие соответствующие функции. Ситуативно-временное существование этих структур, переменный состав большинства из составляющих их элементов, допуская некоторую специализацию, не дают им институализироваться в соответствии с «правилами системы», действующими в данном локальном сообществе. Именно в этом состоит одно из кардинальных отличий толпы от племени, банды уголовников или команды туристов-байдарочников, двигающейся по порожиистой реке¹⁸. Не обращаясь в данном случае к рассмотрению этнических, религиозных или психологических особенностей поведения толпы, что является отдельной те-

мой многочисленных исследований, проводимых в течение многих лет многими учеными, подчеркнем два принципиально важных обстоятельства.

Первое. Его очень точно обозначил один из первых и наиболее известных исследователей «эры масс» французский ученый Ле Бон. Характеризуя человека толпы, он указывал на такие его главные, отличительные признаки как «исчезновение сознательной личности, преобладание бессознательной личности, ориентация мыслей и чувств в одном и том же направлении вследствие внушения и заражения, тенденция к безотлагательному осуществлению внушенных идей. Индивид не является больше самим собой, он стал безвольным автоматом»¹⁹. В контексте рассматриваемой проблемы это означает: толпа создает крайне благоприятные условия для манипулирования индивидами.

Второе. Как следует из сказанного выше, толпа — это по своей сути сетевое, т.е. не имеющее иерархической структуры, образование. Побуждение к действию в толпе передается от одного индивида к другому, с добавлениями и искажениями, легко возникающими в атмосфере общего возбуждения. «Разогрев» толпы — дело относительно нетрудное, во всяком случае — недорогое. Куда сложнее управление толпой: она действует по своим собственным представлениям о политической целесообразности, «по понятиям», смысл

¹⁸ В попытке оживить суховатый текст автор обращается также к опыту коллег — альпинистов, футболистов и т.д. [V popytke ozhivit suhovatyiy tekst, avtor obraschaetsya takzhe k opyitu kolleg — alpinistov, futbolistov i t.d.].

¹⁹ Цит. по: Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // З. Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия. М. : Прогресс, 1992. С. 262 [Tsit. po: Freyd Z. Massovaya psihologiya i analiz chelovecheskogo «Ya» // Z. Freyd. Po tu storonu printsipa udovolstvviya. M. : Progress, 1992. S. 262].

которых нередко весьма существенно отличается от политических целей не только ее признанных вожаков, но и действительных организаторов, сумевших стереть (или не дать образоваться) грань, отделяющую охлос от демоса.

С точки зрения сетевого понимания процессов, определяющих облик современной мировой политики, толпа на Майдане и на площади Тахир, при всем различии их политического бытия, интересов, ценностей и смыслов, — это прежде всего толпа, организованная и действующая как сеть. Сетевая форма объединения людей, самоорганизации толпы оказывается чрезвычайно эффективной (но никак не новой) организацией политической деятельности — как уже отмечалось, сущностной, онтологической основой любой политической сети является отсутствие действующей в ней управленческой централизации, иерархии власти.

Анализируя шансы власти в борьбе с мятежами масс, леворадикальные авторы Майкл Хардт и Антонио Негри со знанием дела указывают, что враги и угрозы порядку возникают обычно в виде сетей, а не централизованных и независимых субъектов. «Власть распределяется там по-разному, неровно и неограниченно. Другой важной характеристикой распределенной сетевой формы является то, что сеть постоянно подрывает стабильные границы между тем, что находится внутри, и тем, что остается вне сети. Это не значит, что она всегда присутствует повсеместно; речь идет лишь о том, что ее наличие и отсутствие обычно не очевидны. Можно сказать, что у сети есть тенденция к преобразованию всякой границы в порог.

В таком смысле сети, в сущности, неуловимы, эфемерны, неизменно ускользающи. Поэтому в один момент они могут показаться универсальными, а в следующий — растворяются в воздухе»²⁰.

Главное в этой констатации состоит не в признании того, что «для борьбы с сетью нужна другая сеть»²¹. Куда более важным для существа рассматриваемой проблемы является хорошо фактологически и методологически обоснованный политический вывод: «сетевая форма налагается на все грани власти непосредственно из-за необходимости обеспечить действенность управления»²². Значение этого вывода определяется еще и тем фактом, что М. Хардт и А. Негри, предлагая свой «проект множества», стремятся обосновать возможность построения новой социально-политической структуры глобального общества и создания «подлинной демократии».

Подход к организации власти (в том числе и глобальной) в форме сети не только методологическая установка, помогающая решению задач различения субъекта от объекта или данной идеологической ориентации от масс, принявших ее как руководство к действию. Его политическое значение состоит в том, что ориентация на сетевую организацию власти означает кардинальную смену ее структуры,

²⁰ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006. С. 77 [Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v epohu imperii*. М. : Kulturnaya revolyutsiya, 2006. S. 77].

²¹ Цит. раб. С. 82 [Tsit. rab. S. 82].

²² Там же. С. 87 [Tam zhe. S. 87].

перестройку, а на деле — слом сложившейся иерархии в системе властных отношений.

Человек толпы, «освобожденный» ею от иерархии власти, выходя на мировую арену, становится, по словам И. Канта, «эгоистом», все цели которого ограничены самим собой. Этому «эгоизму можно противопоставлять только плюрализм, т.е. образ мыслей, при котором человек рассматривает себя и ведет себя не как охватывающий в своем Я весь мир, а только как гражданин мира»²³.

Не пытаясь оценить вероятность и сроки завершения подобных изменений в «образе мыслей», все же можно с высокой долей уверенности попытаться указать на грядущего властелина глобального мира. Этим миром будет править столь же глобальный охлос, состоящий из «эгоистов». Не «граждане мира» образующие демос и политику с легитимными законами и общественными институтами, а являющийся большинством населения Земли охлос, овладевший компьютерной грамотностью и средствами быстрого доступа к глобальным коммуникативным сетям²⁴,

выйдет с агоры на международную арену. Действуя как бы независимо от национального суверенитета и национально-государственных интересов, именно он будет делать мировую политику. Идеологема «управления без правительства», ставшая пунктом сопряжения для классического либерализма и аутентичного марксизма, сможет наконец-то найти хоть какое-то зримое воплощение.

Однако реальный компьютеризированный охлос, как и фиктивный мировой пролетариат, не могут властвовать без своего менеджмента, манипулирующего массами в целях эффективного решения задач, имманентных любой системе властных отношений. Власть толпы, осуществляемая переменным составом охлократов, не приведет к, казалось бы, очевидно напрашивающейся легитимизации «правил сети», действующих в сфере мировой политики. Именно в этой сфере менее всего вероятно легитимизация единых, общих для всех акторов мировой политики правил глобального управления и регулирования. И именно здесь наиболее отчетливо проявляются различия в их подходах к целям международного взаимодействия, к его приоритетам, ценностям и критериям.

Размышляя о возможности реализации различных концепций глобального управления и заглядывая в будущее, нетрудно представить себе глобальный охлос, состоящий из «эгоистов»-неграждан, т.е. людей, не являющихся гражданами в собственном, политиче-

v kiberprostranstve, a ne politologam. Odnako, tot fakt, chto mnogie resursy seti segodnya tehicheski vozmozhno blokirovat kak iz Vashingtona, tak i iz Phenyana, imeet vpolne ponyatnoe politicheskoe znachenie].

²³ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. § 2 // Кант И. Соч. в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 361 [Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya. § 2. Kant I. Soch. v 6 t. M., 1966. T. 6. S. 361].

²⁴ Возникающие сомнения в том, является ли современный Internet сетью в точном значении этого термина, предстоит оценить специалистам, разрабатывающим проблемы коммуникации в киберпространстве, а не политологам. Однако тот факт, что многие ресурсы и сегменты сети сегодня технически возможно блокировать как из Вашингтона, так и из Пхеньяна, имеет вполне понятное политическое значение [Voznikayushchie somneniya v tom, yavlyaetsya li sovremennyiy Internet setyu v tochnom znachenii etogo termina, predstoit razveyat spetsialistam, razrabatyvayuschim problemy kommunikatsii

ском (не говоря о Кантовском) смысле этого понятия, но имеющих возможность благодаря техническому совершенствованию сетевых коммуникаций выйти на глобальную, всемирную агору. В этой ситуации ответ на главный политический вопрос: «кому принадлежит власть?» будет состоять не в указании на субъект и объект глобального управления. Он будет зависеть от тех социально-культурных основ, которые в конечном счете и станут определять бытие сетевого глобального охлоса.

Констатируя растущую охлотизацию и хаотизацию в сети мировой политики, заметное в некоторых странах оживление интереса к тезису о «нерелевантности» ООН и ее органов в полицентричном мире XXI века, вряд ли

следует видеть в этом признаки приближающегося краха цивилизации, конца «Вестфалья» или симптомы вселенской катастрофы. Чем меньше такого регулирования сегодня — тем острее будет потребность в нем в будущем. Анализ динамики мирового развития со времен античности до наших дней убеждает в том, что хаос несет в себе не только всемирный беспорядок, но и начало всякого нового, в том числе политического, порядка бытия. В конечном счете именно сама бытийная сущность мировой политики через подвижные исторические, цивилизационные и социокультурные формы взаимодействия между участниками глобальных властных отношений даст верный ответ на вопрос: кто правит миром?

Сеть мировой политики: от проблем концептуализации к глобализации охлоса

Фельдман Дмитрий Михайлович, доктор политических наук, профессор кафедры мировых политических процессов факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические проблемы, связанные с пониманием мировой политики как сетевого объекта. Автор исходит из того, что превращение мировой политики в общепланетарную, глобальную сеть актуализирует исследование индивида как ее самого древнего и постоянного актора, действующего по «правилам сети». Он излагает свое понимание сетевого подхода к мировой политике и анализу субъект-объектных отношений, возникающих в ходе развития мировых политических процессов. Значительное внимание уделено выходящему на глобальную мировую арену охлосу и возможностям манипулирования им. Освоивший средства доступа к глобальным коммуникативным сетям охлос получает возможность «управления без правительств». Это, по мысли автора, не может превратить его в законодателя мировой политики.

Ключевые слова: мировая политика, сеть, система, управление, манипулирование, толпа.

World Politics Network: From Conceptualization Problem to the Crowd Globalization

Dmitry Feldman, Ph.D. in Political Science, Professor, World Politics Department, School of Political Affairs, MGIMO-University

Abstract. *The article deals with theoretical problems associated with understanding of world politics as a network object. The author assumes that the transformation of world politics in a global, global network actualizes the study of the individual as its most ancient and constant actor, acting according to the «rules of the network». He sets out his understanding of the network approach to world politics and analysis of the subject-object relations arising in the course of development of the world political processes. A significant attention is paid to crowd facing the global arena and opportunities of manipulating them. Mastered means of access to global communication networks crowd gets the opportunity of «governance without government». This, according to the author, can't turn him into a trendsetter in world politics.*

Key words: *world politics, network, system, management, manipulation, crowd.*